

Переворот и мигранты в кризисе Нигера

26 июля власть президента в Нигере была свергнута в результате военного переворота, возглавляемого генералом Абдурахманом Омаром Тчиани, начальником президентской гвардии с 2011 года. Страна располагается в Сахеле – полосе суши к югу от Сахары, – и до 1960 года была французской колонией. Она богата урановыми месторождениями, но с населением в 26 миллионов человек относится к числу беднейших в мире.

Переворот в Нигере – третий по счёту в Сахеле с 2020 года после тех, что произошли в Мали и Буркина-Фасо. Начиная с 1960 года в этих трёх странах произошло 11 переворотов с длительными фазами военных режимов.

Границы из бумаги и песка

По мнению наблюдателей, череда переворотов, принёсшая региону прозвище *«полоса переворотов»*, является отражением ливийского кризиса 2011 года и последующей французской интервенции, начавшейся в 2013 году и направленной на сдерживание распространения нестабильности на Мали. Режим Муаммара Каддафи, учитывая его амбиции арабо-африканской империи, был фактором дестабилизации региона. Тем не менее, благодаря доходам от продажи нефти, он стал парадоксальным фактором порядка, включив в свои вооружённые силы, регулярные и нерегулярные, различные диссидентские компоненты. Например, речь идёт о туарегах, бербероязычном мусульманском населении, широко представленном в Мали, Нигере, Алжире, Мавритании, Ливии и Тунисе. Или же об исламистских террористических осколках, возникших в результате гражданской войны в Алжире (1991–2002 гг.) и превратившихся в местные филиалы “Аль-Каиды” и ИГИЛ. Огромные ливийские арсеналы, а также личный состав, подготовленный вооружёнными силами Триполи в рамках *«Исламского»* или *«Зелёного легиона»* после падения Каддафи, перетекли в соседние страны Сахеля и региона Сахары (Michel Goya, “Le temps des guépards”, 2022).

Крайне неустойчивое состояние этих государств, границы которых, по словам историка Камиллы Лефевр, являются *«границами из бумаги и песка»*, что стало результатом территориального раздела между колониальными державами, также имеет большое значение. На протяжении столетий в Сахеле существовали различные политические образования: от чёрных королевств юга до номинального марокканского и османского суверенитета или чёрных и туарегских султанатов на севере Мали или Нигера. Это никогда не способствовало эффективной государственной централизации, учитывая характер региона, в основном пустынного на севере и характеризующегося ролью транзитного пути. В 1900 году от 25 до 75 % населения современного Нигера находилось в подневольном положении в рамках феодального общественного устройства.

Военный бренд “Франсафрики”

В колониальной и постколониальной логике Франции Сахель выполнял прежде всего функцию обеспечения территориальной преемственности её владений и поддержания *«военного бренда»*, защищая как средиземноморские колонии, так и те, что расположены на побережье Гвинейского залива. Открытие важных природных ресурсов, таких как уран, нефть и минералы Нигера, повысило его экономическое значение.

Однако сегодня регион фактически стал играть роль европейского *«пограничного бренда»* и буфера для миграционных потоков из стран Африки южнее Сахары, а также против экспансии и укоренения террористических *«халифатов»*. Первоначальной целью французской интервенции 2013 года в Мали, названной операция “Сервал”, было предотвращение распада малийского государства, которому угрожало продвижение арабо-туарегских вооружённых формирований с севера страны к столице Бамако. И в Нигере, и в Мали проживают значительные арабо-туарегские меньшинства, которые на протяжении десятилетий поднимали восстания против центральных властей. В Мали эти восстания начались в 1963–1965 годах в ответ на *«чёрный колониализм»*. В случае Нигера они были вызваны требованием более справедливого распределения доходов от добычи урана, месторождения которого сосредоточены на исконных территориях туарегов. В обоих

случаях до 2011 года свою роль играло спонсорство Ливии (Paul Anselin, "La France et les Touaregs", 2015).

Последующая восьмилетняя операция "Бархан" была направлена на стабилизацию обстановки в регионе с привлечением почти 5 тысяч французских солдат и европейской миссии, а также на создание местных сил (Sahel G5), в состав которых вошли Мавритания, Чад, Нигер, Мали и Буркина-Фасо, для контроля границ.

Русские призраки и каперы

По мнению военного историка Гойя, нельзя исключать того, что активизация операций в регионе, особенно в Мали и Нигере, привела к росту антифранцузских настроений и подрыву поддержки правительств со стороны военных. Бамако, претендовавший в 60-е годы прошлого века на роль центра panaфриканской революции, с 1960 года поддерживает отношения с Москвой и Пекином. Что касается Парижа, то в отношениях с ним наблюдается двойственность, что верно для большей части «Франсафрики» – этот термин был введён в конце 1950-х годов, чтобы описать особые связи между Парижем и бывшими африканскими франкоязычными колониями.

Отношения между «*Марианной и её чёрными сёстрами*», по словам историка Жан-Пьера Бата, характеризовались колебаниями любви и ненависти к метрополии. Местные режимы использовали антифранцузские жесты как для придания себе национальной легитимности, так и для утверждения своей значимости в качестве «друзей Франции». Иначе говоря, они играли на формуле «*независимость во взаимозависимости*», которая с 1958 года определяла отношения на двусторонней основе. Она же использовалась в рамках торга на трансальпийском политическом столе. С середины 1980-х годов, по мере изменения международной конъюнктуры и «*исчерпания славного тридцатилетия*», французского «экономического чуда», Париж стал постепенно осознавать объективные ограничения в возможностях управления своими владениями. В связи с этим была проведена корректировка, направленная на превращение «Франсафрики» в «Еврафрику», согласно миттерановской формуле конца 1950-х годов, в которой он связал национальные интересы с европейскими, сохранив за собой роль арбитра и посредника (J-P. Bat, "Le syndrome Foccart", 2012).

В современных условиях, размахивая российским призраком в лице ЧВК "Вагнер", Париж стремится придать евроатлантическое измерение сахельскому кризису, связав его с войной на Украине. Нужно сказать, что Москва умело использовала ливийский конфликт, как и сирийский, чтобы без особых затрат внедриться на Чёрный континент. Однако масштабы не сопоставимы с 1970-1980-ми годами, с интервенциями на Африканском Роге, в Анголе и Мозамбике, которые были отмечены значительными успехами, но в то же время стали фактором перенапряжения Москвы. "Вагнер", если угодно, представляется московским вариантом «*каперов Республики*», которых Париж широко использовал на африканской земле в качестве неформальных проводников своих интересов.

"Навигаторы" Агадеса

Рука Москвы не просматривается в событиях в Нигере: вполне вероятно, что здесь сыграли роль внутренние факторы, а хунта подмигнула Москве из конъюнктурных соображений. Считается, что генерал Тчиани сместил президента Мохамеда Базума, опасаясь отстранения от командования президентской гвардией. Но и принадлежность Базума к арабскому меньшинству, а также его чрезмерно примирительное отношение к туарегам, возможно, сыграли свою роль, увеличив вес Тчиани в вооружённых силах.

Как пишет *Le Monde*, туареги жалуются на ужесточение правил борьбы с нелегальной иммиграцией, предусмотренное соглашениями с ЕС от 2015 года. Агадес, четвёртый по величине город Нигера, находящийся в регионе проживания туарегов, превратился из туристического центра в центр переправки мигрантов в страны Магриба и Европу. Местные лидеры недовольны тем, что «*границы ЕС были перенесены в Агадес*», поскольку значительная часть населения занята в сфере «*миграционных услуг*», т. е. питания, проживания и транспорта. Используя средства ЕС, Ниамей якобы поспособствовал превращению «*контрабандистов*» в «*действующих лиц миграционного процесса*», усложнив транспортировку. В этом контексте можно говорить о нигерском варианте «*навигаторов*»¹ –

не нашедшей применения идее первого и второго правительств Джузеппе Конте в Риме. Значимого успеха достигнуто не было, увеличилось лишь число жертв и пропавших без вести в песках Сахары. Тчиани, в свою очередь, якобы заявил, что «Россия у него в сердце», несмотря на прохождение обучения во французской и марокканской военных академиях.

“Удар в спину” от Вашингтона

По некоторым версиям, генерал перешёл в православие после того, как ему очень понравилась какая-то русская певица. Как бы то ни было, Вашингтон и Рим исключают роль России в перевороте в Нигере и ставят крест на позиции Парижа, выступающего за поддержку военной интервенции ЭКОВАС – экономической организации государств Западной Африки, в которую входит и нигерийский гигант.

И со стороны Парижа, и со стороны Вашингтона в Нигере размещено более 2500 военнослужащих: в случае Франции это часть контингента операции “Бархан”, в случае США – личный состав основной базы разведывательных и боевых беспилотников командования театра военных действий Africom – структуры, начавшей работу в 2008 году. В Мали находится около тысячи немецких военнослужащих, 350 итальянцев – в окрестностях Ниамея. Нигерская хунта потребовала вывода французских военных, но не контингентов других стран. *Le Monde* со ссылкой на источники в Елисейском дворце и на набережной Орсе называет позицию США «ударом в спину»: официально американцы не говорят о перевороте и ведут переговоры с представителями военной хунты, в частности с бывшим командиром нигерского спецназа, которого в кругах Пентагона называют «своим парнем».

По мнению источников Atlantic Council, американские стратегические интересы отличаются от французских. В Вашингтоне «Сахель считается безнадёжным делом»: военная интервенция против хунты рискует усилить российское и китайское влияние, поскольку Пекин имеет интересы в отношении нигерского урана, что ставит под угрозу военное присутствие в Агадесе. С точки зрения *Le Monde*, американская поддержка французских действий была бы полезна, поскольку она позволила бы заручиться ответной поддержкой Парижа по другим повесткам: России, Китаю и Ирану. По словам Жоржа Мальбрюно из *Le Figaro*, Эмманюэль Макрон исключил возможность превентивного вмешательства спецназа для спасения Базума, предложенного DGSE, службой внешнеполитической и военной разведки, но отрицательно встреченного дипломатами, опасавшимися спровоцировать уличные демонстрации. Макрон затем поддержал идею африканского военного вмешательства через ЭКОВАС во главе с Нигерией. Однако он столкнулся с противодействием некоторых стран-членов Африканского союза и нежеланием Вашингтона, Берлина и Рима оказывать поддержку в данном вопросе. Последние смотрят на африканские дела через призму миграции, а не через геополитическую оптику Парижа. Мальбрюно считает, что германо-итальянская позиция формулируется под знаком «реализма» и представляется наиболее мудрой.

Тем не менее, кризис в Ниамее свидетельствует о «снижении статуса Франции» как мировой державы. Процесс деколонизации для страны ознаменовался 17-летними конфликтами с 1945 по 1962 год, главными из которых были войны в Индокитае и Алжире, и более чем 50 военными интервенциями с 1958 года по настоящее время (P. Vermeren, “Le choc des décolonisations”, 2015; M. Goya, *op. cit.*). Африка, наряду с ядерным оружием, обеспечивала Парижу мировой статус. Она остаётся таковой и сегодня, но только в связке с европейским континентальным масштабом.

Июль – август 2023 г.

¹ - Навигатор – это чиновник, задачей которого должна была быть профессиональная ориентация граждан.